

УДК 327.8+321.01

АГОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР МЯГКОЙ СИЛЫ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Доклад направлен на изучение потенциала мягкой силы современной Турецкой республики. Особое внимание уделяется вопросу влияния политической конъюнктуры на ресурсный потенциал. Исследование базируется на гипотезе о том, что использование различных ресурсов мягкой силы в Турции нивелирует их эффективность. Причина заключается в том, что каждая группа ресурсов ассоциирована с политической повесткой, артикулируемой разными политическими силами.

Ключевые понятия:

мягкая сила, невидимая сила, Турция, пантюркизм, неоосманизм.

В современном мире неуклонно возрастает значимость исламского Востока как политического пространства. Это выражается и в возрастании политической, экономической, военной и иной активности отдельных стран – лидеров мусульманской уммы. Отсюда – неуклонный рост академического интереса к изучению данного процесса, его причин и последствий.

Характер данной активности может иметь как конструктивную коннотацию, выраженную в создании новых эффективных моделей государственного устройства, так и негативную, представляющую собой экстремум социального действия, (как, например, запрещенная в РФ террористическая организация «Исламское государство» – ДАИШ). Описание и раскрытие структурного потенциала и системы детерминации данных явлений становится важной исследовательской задачей отечественной политической науки.

Одной из исламских стран, наиболее активно набирающих политический вес на международной арене и продвигающей свои национальные интересы, является Турция. В последние годы турецкое руководство все чаще обраща-

ется к применению такого современного инструмента влияния как soft power или мягкая сила.

В целом, практика использования «мягкой силы» сводится к способности государства и связанных с ним акторов ненасильственными мерами оказывать влияние на поведение иных субъектов, основываясь на выстраивании привлекательного образа и на формировании «вожделения», желательности и приоритетности получения каких-либо благ, предоставляемых ресурсами «мягкой силы». Совокупные практики и традиции определения данного понятия могут быть сведены к тому, что мягкая сила – это прежде всего «стратегия, политика управления ресурсами, которая может быть успешной только при условии коммуникативной интеграции своих структурных компонентов. В более широком контексте soft power выступает интегративным драйвером ненасильственного воздействия, ведущего к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в деле контроля над различными пространствами» [6].

В отличие от стран Западной политики, на Востоке, как правило, использование инструментов мягкой силы государством носит ситуативный характер и выстраивается в угоду политической целесообразности. Не является исключением и Турецкая республика, где данный инструментарий пока еще не получил своего закрепления в официальном политическом дискурсе.

Тем не менее, необходимость артикуляции и имплементации ресурсного потенциала мягкой силы составляет часть дискурса близких к правящим элитам экспертных групп. Так, неофициальным идеологом «мягкой Турции» в правящей партии Справедливости и Развития является бывший глава правительства и бывший министр иностранных дел профессор Ахмет Давутоглу. В его работах и выступлениях не содержится упоминания о мягкой силе, но неоднократно звучит понятие «invisible power» или «невидимая сила», суть которой сводится к достижению дипломатических успехов [10]. В целом, можно сказать, что данная концепция является всего лишь национальной адаптацией концепта «мягкая сила» и не имеет с ним принципиальных расхождений.

Национальная стратегия по использованию мягкой силы получила неофициальное название «Неоосманизм» или, реже, «Новый османизм» и «Постосманизм». Стоит отметить, что приведенный концептуальный ряд является внешним по отношению к Турции и используется, по большей части, европейскими и американскими экспертами. Процесс категоризации в данном случае основан на упоминаемых в работах Давутоглу аналогиях современного турецкого общества как общества «Новых Османов» [1].

Использование концепта «Неоосманизм» предполагает, что существует некоторое пост-османское пространство, в котором современная Турция имеет приоритетные национальные интересы, и, как следствие, пытается включить находящиеся в нем страны в структуру своего лимитрофа. Возможность такого действия гарантируется использованием не жесткой военной силы, а именно мягкими средствами – дипломатией и гуманитарным воздействием.

Согласно экспертному мнению, гуманитарная дипломатия является синтетическим (интегративным) видом мягкой силы. Она включает в свою структуру следующие элементы soft power: гуманитарные инструменты (социальные, образовательные и научные программы, продвижение нацио-

нальной культуры, языка и т. п.), политические инструменты (защита прав и свобод человека, эффективные практики государственного управления), дипломатические инструменты (народная дипломатия, участие в разрешении конфликтов, миротворчество) [6]. На основании данного подхода можно проанализировать ресурсный потенциал мягкой силы современной Турции. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой формирование концептуальной модели мягкой силы Анкары должно происходить на основе синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей [2].

К активно используемым современной Турцией ресурсным компонентам мягкой силы мы относим: турецкий кинематограф, крупные турецкие коммерческие компании, туризм, культурные связи, разветвленная структура дипломатических связей. Для понимания потенциала данных ресурсов необходимо остановиться на описании их качественных характеристик, а также на том, с какими идеями, идеалами и политическими группами они связаны.

Прежде всего, общий благоприятный имидж современной Турции формирует турецкий кинематограф – явление сравнительно свежее. При относительно небольшой поддержке со стороны государства продукты турецких телестудий достаточно быстро смогли обрести популярность на территории как сопредельных стран, так и достаточно отдаленных. «Данное утверждение может быть ярко проиллюстрировано феноменом турецких сериалов, масштабная трансляция которых ведется в государствах, входящих в сферу геополитических интересов Турции, – то есть на территории от Ближнего и Среднего Востока до Магриба и Балкан включительно» [3]. Наряду с огромной популярностью турецких сериалов в арабских странах, наблюдается успешное проникновение турецкого кинематографа в евразийское пространство. Яркий тому пример – высокая популярность сериала «Великолепный век» в России. Стоит отметить, что символическая составляющая как данного сериала, так и большей части остальной продукции кинематографа эксплуатирует историческую повестку, связанную с Османской империей и ее наследием.

Росту темпов туристической привлекательности Турции способствуют активные маркетинговые кампании, позиционирующие не только привлекательность отдыха, но и привлекательность образа Турции как государства. Активно вопросами повышения имиджевой привлекательности страны занимаются коммерческие компании, одним из ярких примеров является международный авиаперевозчик Turkish Airlines.

Свои культурные связи Турция выстраивает на различных институциональных уровнях и направлениях. Во-первых, это официальные структуры, являющиеся институтами мягкой силы. К подобным структурам относится институт имени Юнуса Эмре, который создает и координирует сеть центров турецкой культуры по всему миру. Основная задача подобных центров – продвижение турецкой культуры и популяризация турецкого языка. В работе данной структуры также эксплуатируется османская повестка, так как Юнус Эмре – известный турецкий поэт, живший в 12–13 вв. «С 2009 года было

открыто 27 центров, входящих в Институт им. Юнуса Эмре по всему миру. На территории России такие центры появились в 2012 году, и пока их действовало два: один – в Москве, второй – в Казани. Примечательно, что Центр изучения Турции Института им. Юнуса Эмре, базировавшийся в Казанском федеральном университете, был открыт даже раньше, чем в столице России. После начала российско-турецкого конфликта в ноябре 2015 года оба центра были [закрыты] » [8].

К подобным структурам относятся: Фонд исследования тюркского мира «Туран», который оказывает финансовую помощь российским студентам при поступлении в турецкие образовательные учреждения; международная организация тюркской культуры (ТюрКСОИ), которую возглавляет бывший министр культуры Казахстана Дюсен Касеинов. Сюда же можно отнести проекты вроде «Turkvision» – музыкального конкурса песни, по аналогии с Евровидением, на котором выступают представители тюркоязычных стран и регионов. В институциональном ключе совокупная работа данных площадок приводит к унификации тюркской культуры, превращая ее в аутентично турецкую. В частности, это происходит в форме политической интеграции проживающих в странах арабского мира туркоманов, в виде языковых реформ в Азербайджане и Казахстане.

Во-вторых, важным направлением развития мягкой силы Турции является стратегическое выстраивание особых коммуникационных связей с тюркоязычным миром. В основе такой деятельности – представление об отсутствии существенных различий между тюркскими народами. С точки зрения внутренней идеологии все тюркские народы, включая тюркские народности бывших советских республик и современной России, являются турками. Институционально данный вектор закрепляется в особых направлениях сотрудничества с тюркскими странами, с которыми заключаются договоры о стратегическом партнерстве. Наиболее яркими примерами подобных соглашений являются Соглашение о стратегическом партнерстве между Турцией и Казахстаном (2009 г.) и Соглашение о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Турцией и Азербайджаном (2010 г.). На основе этих соглашений были созданы специальные межправительственные органы – Советы высокого уровня по стратегическому сотрудничеству, призванные служить ключевым механизмом для реализации партнерств [7]. Для системного взаимодействия с тюркским миром при активной поддержке Турции была создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран со штаб-квартирой в Баку. Внешнеполитическая стратегия Турции на постсоветском пространстве заключалась в том, чтобы воспитать новое поколение элиты тюркских республик бывшего СССР, которое будет комплементарно относиться к Турции [8].

В-третьих, это гуманитарные связи по линии образовательной и идеологической подготовки лиц, приближенных к политическим элитам разных стран. В первую очередь к структурам подобного рода относится международная сеть лицеев, ассоциированная с религиозной организацией «Хизмет» во главе с Фетхуллахом Гюленом, в центре учения которого – идея восстановления баланса религиозного и политического по образу Османской империи.

Данные лицеи распространены в самых разных регионах мира, особенно – в африканских странах. Кроме того, на образовательное воздействие были ориентированы различные негосударственные фонды, которые оплачивали обучение талантливой молодежи в турецких вузах, условным лидером из которых является Босфорский университет, входящий в Утрехтскую сеть и ассоциацию средиземноморских университетов.

В качестве отдельного ресурса мягкой силы можно рассматривать турецкую форму правления. Заложенные Мустафой Кемалем идеи предполагали построение национального государства европейского образца, показательная жизнеспособность которого породила идеал вестернизации в качестве катализатора политических изменений и модернизации, предназначенный для слома традиционного общества и высокого уровня религиозности. Вестернизация предполагает также инкорпорацию европейских ценностей, включая ориентацию на Европейский союз и высокие стандарты обеспечения прав человека.

В последнее время политический курс турецкого государства претерпевает трансформацию от национализма и пантюркизма к умеренному исламу. На смену имиджу демократического государства приходит образ эффективной автократии. Несмотря на то, что данный тренд вступает в противоречие с кемалистским наследием, исламизация страны способствует повышению эффективности внешней политики. Данная ситуация описывается турецкими экспертами как попытка со стороны политической элиты осуществить слияние турецкого национализма и исламского традиционализма [12]. Базовой стратегией мягкой силы, лежащей в основе процесса исламизации, – продвижения наследия османской империи [9].

Технология мягкой силы в зависимости от целей и особенностей применения может иметь как позитивные, так и негативные эффекты [4]. Негативные аспекты могут усиливаться при наличии политических противоречий в использовании различных ресурсов мягкой силы. В данном контексте представляет интерес позиция президента Турецкой республики Реджепа Тайипа Эрдогана. В начале политической карьеры он считался приверженцем умеренного исламизма, связанного с Джамаатом Гюлена. «Когда ПСР шла на свои первые выборы, она обещала реализовать именно те положения, о которых говорилось в наставлениях Гюлена» [5]. Однако позже Эрдоган объявил предателями сторонников движения «Хизмет». Были произведены массовые чистки в политической и военной верхушке страны, а в отношении самого лидера движения – выписан ордер на арест. Соответственно, такой поворот курса стал основанием для раскрытия агонального потенциала ресурсов мягкой силы, заключающегося в том, что использование одного инструмента, как например лицеев движения «Хизмет», обернулось препятствием для эффективного применения других.

Агональный потенциал турецких ресурсов мягкой силы связан с наличием существенного противоречия между турецким национализмом и исламским традиционализмом. При отходе от идеалов кемализма, ресурсы мягкой силы, связанные со стратегией евроинтеграции, начинают приносить выгоду не столько правящей партии, сколько оппозиционной ей Республиканской

народной партии, ориентированной на кемализм и европейский вектор развития страны.

Подобные «слабые» места в идеологической базе официального политического курса пытаются заглушить посредством усиления дискурса неоосманизма. В частности, неоосманисты обращаются к концептам Ахмета Давутоглу – «ноль проблем с соседями» и «ближнее мусульманское зарубежье». Их суть сводится к тому, что Турция как наследница Османской империи имеет право на особые интересы в ближайших мусульманских странах, в том числе – право на вмешательство в их внутренние дела. В то же время, концепт «ноль проблем с соседями» подразумевает необходимость нормализации и укрепления отношений с близлежащими государствами, в том числе – с «проблемными» Грецией и Арменией» [1].

В целом, отметим, что современная Турция имеет огромный потенциал для реализации собственных ресурсов мягкой силы. Однако сам процесс их практического использования с позиции стратегии политической целесообразности нередко приобретает агональный характер, что приводит к выходу за условные рамки «мягкого» воздействия. Например, политика «ноль проблем с соседями» не ограничивает проведение военных операций турецких военных на территории соседних Сирии и Ирака, осуществляемых без согласия официальных правительств. В свою очередь, это оставляет открытым вопрос: является ли «невидимая сила» Турции доподлинно «мягкой»?

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции [Текст] / В. А. Аватков // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71–78.

2. Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции [Текст] / А. И. Алиева // Вестник московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.

3. Зубков А. И. Мягкая сила Турции: феномен «Softpower» как инструмент культурной дипломатии [Текст] / А. И. Зубков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2015. № 2. С. 52–62.

4. Ковба Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами [Текст] / Д. М. Ковба // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 111–118.

5. Надеин-Раевский В. А. Идеинная борьба и «новая Турция» [Текст] / В. А. Надеин-Раевский // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 22–31.

6. Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона [Текст] / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковба // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 2. С. 14–29.

7. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» [Текст] // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 145–166.

8. Сулейманов Р. Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период [Текст] / Р. Р. Сулейманов // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 115–117.

9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
10. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 [Text] / A. Davutoğlu // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
11. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey [Text] / A. Rabasa, F.S. Larrabee. Santa-Monica: RAND, 2008. 113 p.
12. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy [Text] / M. Yeşiltaş // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14. Iss. 4. P. 661–687.

References

1. Avatkov V.A. Neosmanizm. Bazovaya ideologema i geostrategiya Turcii [Tekst] / V.A. Avatkov // *Svobodnaya mysl'*. 2014. № 3 (1645). S. 71–78.
2. Alieva A.I. «Myagkaya sila» v sovremennoj vneshnej politike Turcii [Tekst] / A.I. Alieva // *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 25: mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2014. № 3. S. 63–94.
3. Zubkov A.I. Myagkaya sila Turcii: fenomen «Softpower» kak instrument kul'turnoj diplomatii [Tekst] / A.I. Zubkov // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: politologiya*. 2015. № 2. S. 52–62.
4. Kovba D.M. Teoreticheskaya i prakticheskaya adaptaciya koncepta «myagkoj sily» vostochnoaziatskimi gosudarstvami [Tekst] / D.M. Kovba // *Prostranstvo i vremya*. 2014. № 4 (18). S. 111–118.
5. Nadein-Raevskij V.A. Idejnaya bor'ba i «novaya Turciya» [Tekst] / V.A. Nadein-Raevskij // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016. № 2 (47). S. 22–31.
6. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona [Tekst] / O.F. Rusakova, D.M. Kovba // *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*. 2016. T. 12, № 2. S. 14–29.
7. Safonkina E.A. Turciya kak novyj aktor politiki «myagkoj sily» [Tekst] // *Vestnik mezhdunarodnyx organizacij*. 2014. T. 9. № 2. S. 145–166.
8. Sulejmanov R.R. «Myagkaya sila» Turcii v Tatarstane: infrastruktura vliyaniya Ankary v regione v postsovetskij period [Tekst] / R.R. Sulejmanov // *Chelovecheskij kapital*. 2016. № 2. S. 115–117.9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
9. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case [Text] / A.A. Çelenk // *International Journal of Turcologia*. 2015. № 10. P. 25–44.
10. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 [Text] / A. Davutoğlu // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
11. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey [Text] / A. Rabasa, F.S. Larrabee. Santa-Monica: RAND, 2008. 113 p.
12. Yeşiltaş M. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy [Text] / M. Yeşiltaş // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14. Iss. 4. P. 661–687.

UDC 327.8+321.01

THE AGONAL CHARACTER OF SOFT POWER IN MODERN TURKEY

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The report aims to explore the potential of “soft power” of modern Turkey. Special focus is on the question about influence of political configuration on the resource potential. Research is based on hypothesis that using of various “soft power” recourses in Turkey neutralizes their effectiveness. The reason is that each group of resources is associated with a political agenda articulated by different political powers.

Key concepts:

soft power, invisible power, Turkey, pan-Turkism, neo-Ottomanism.